

Огни на курганах

Историческая повесть

Часть первая

АЛЕКСАНДР В ДОЛИНЕ СЕДЫХ ГОР

Кто направлял средь битвы
Молнией властной десницы
Неумолимый, как рок,
Удар золотых фаланг?..

Из песен Аристоника

МАКЕДОНСКАЯ ЗАСТАВА НА ПЕРЕВАЛЕ

Там, где угрюмый хребет Седых гор¹ прорезан узким ущельем Священных лоскутов², близ источника Куропаток, под нависшими глыбами зеленоватого гранита с красными прожилками стоят полукругом кожаные палатки, растянутые на кольях. Они выгорели на солнце, и ветер не переставая треплет их.

Огонек костра с треском вспыхивает, когда в него подбрасывают пучок сухих колючек. Порывы холодного ветра уносят клубы густого дыма. Ветер раскачивает длинные стебли растений с желтыми цветами, гонит по дороге сухие листья фисташковых деревьев, которые растут по склону горы, вцепившись корнями в трещины скал. Иногда скатываются легкие высушенные шары перекасти-поля и, прыгая, несутся по каменистому ущелью. По обе стороны тропы на всех кустах нацеплены розовые и синие выцветшие лоскутки, оставленные суеверными путниками. Ведь если не оставить подарка духам гор, спрятавшимся в глу-

¹ *Седые горы* (Сафэд-кох) — горный хребет к югу от долины Кабула в Афганистане.

² До сих пор в этом ущелье путники вешали на ветвях деревьев лоскутки от своих одежд в честь «духа гор». Отсюда и название ущелья.

бине ущелий, то этим можно вызвать их гнев, и они сбросят скалу, напустят болезнь или заставят хромать лошадь, и путник не увидит родного дома.

Около костра, кутаясь в порыжелые шерстяные плащи, сидят бородатые воины. К огню протянуты их волосатые, загорелые ноги, обутые в красные кожаные сандалии, подбитые гвоздями. Ремни от сандалий переплетены до колен. Бронзовые шлемы, сдвинутые на затылки, потемнели от времени и носят следы многих ударов. Обветренные лица темны от пыли и загара. Глаза щурятся от едкого дыма.

— Проклятое место!.. — ворчит один. — Холодный ветер дует из этой щели, как из кузнечного меха.

— Но, но! Клянусь Гераклом, — кричит другой воин, — даже кони бесятся здесь, на этом проклятом перевале!

Восемь лошадей привязаны к коновязям, по четыре в ряд, головами в середину, четыре вороных и четыре рыжих. Два жеребца ржали и взвизгивали, стараясь достать друг друга.

Воин прикрикнул на них, схватил несколько жгутов сена и стал раскручивать и пушить их перед примирившими конями.

— Аристоник никогда не позаботится о коне! Сидит где-нибудь на скале и мурлычет свою песню.

— Стой!.. — раздался крик между скал. — Стой, бродяга, а то я проколю тебе живот!

Все три воина вскочили, схватив копыя.

— Аристоник не прозевал! Кто-то хотел пробраться мимо поста. Нужно придержать его.

— Куда идешь?.. — раздался сверху новый окрик по-персидски, и между большими камнями заметался странный тощий человек.

С необычайной легкостью, размахивая руками и широким плащом, похожий на летучую мышь, он

бежал по склону горы, прыгая с одной скалы на другую, и к нему спешили наперерез воины, бывшие в дозоре. Путник сделал несколько прыжков, бросился к костру и здесь опустился на землю.

Этот человек, казалось, не мылся и не стригся от рождения. Длинные волосы, копной стоявшие над головой, спускались по спине чуть ли не до земли; они были заплетены в несколько кос, перевитых и перепутанных между собой и проткнутых на макушке длинными медными булавками. Курчавая бурая борода двумя прядями падала на грудь. Из-под грязной гривы черные глаза бросали недоверчивые, звериные взгляды. Полуголоое, почти черное, тощее тело покрывал изодранный плащ, заплатанный яркими лоскутьями. Странник был подпоясан несколькими разноцветными шнурками¹, на которых висели медные кривые ножи, щипчики, буравчики, сушеные змеи, ящерицы и другие диковинные знахарские принадлежности. На босых ногах налипли слои засохшей грязи. В руках он держал длинный посох; на конце его болталась пустая тыквенная бутылка.

— Кто такой? Куда идешь? — спрашивали воины.

— Иду в Забул². — Он махнул рукой на север. — Я бедный атраван³. Хожу по свету и избавляю людей от злых дивов⁴, посылаемых страшным Ариманом.

— Зачем крадешься по горе, а не идешь по дороге? Значит, ты имеешь дурные мысли! Зачем прячешься?

Атраван поднял к небу длинные костлявые руки.

¹ Разноцветные шнурки на поясе — признак жреца огнепоклонников.

² В описываемое время Кабул — столица Афганистана — населением назывался Забул.

³ *Атраван* — ученый жрец огнепоклонников.

⁴ *Дивы* — злые духи бога зла Аримана.

— Вижу на небе то, что написано великим, всевидящим. Много крови прольется, не все вернутся домой...

— Это мы и без тебя знаем. Сиди здесь, попрошайка! Сколько денег собрал? Говори!.. — Воин замахнулся копьем.

Атраван упал на землю и стал причитать:

— Ой, не убивай! Расскажу очень важное! Кто у вас начальник? Только ему скажу.

— Аристоник, иди сюда! Бродяга зовет начальника. Наверное, хочет обмануть! Чтоб с ним больше не возиться, сбросим его на дно ущелья!..

Со скалы спустился молодой воин в войлочной шляпе, завернутый в полосатый шерстяной финикийский плащ. В руках он держал кифару¹, и пальцы рассеянно перебирали струны.

— Кто это? — Воин зевнул и потянулся.

— Попрошайка. Такие постоянно шатаются по всем дорогам и все высматривают. Это самые подозрительные бродяги. Надо его прикончить.

Лохматый странник замотал головой, схватил край своего рваного плаща и стал желтыми зубами отдирать розовую заплатку. Он вытащил небольшой обломок серебряной монеты и протянул темную ладонь.

Аристоник взял монету, внимательно осмотрел ее и сказал воину:

— Берда, это нужный человек. На монете изображение нашего базилевса. Это сямбаллон². Ты его проведешь прямо в главную канцелярию к экзетазису³. Смотри, чтоб его доставить живым... Сиди здесь! — указал он на место у костра.

¹ *Кифара* — деревянный щипковый музыкальный инструмент с семью и более струнами.

² *Сямбаллон* — предмет с условными знаками, по которым два лица узнают друг друга; например, по половинкам разломанной цепки или монеты, концы которых должны сойтись.

³ *Экзетазис* — ведающий донесениями лазутчиков.

Из глубины ущелья послышались звонкие крики. Подымаясь по склону горы, приближались запыленные всадники, ослы и верблюды, нагруженные вьюками, возле них погонщики с бичами. Над всеми возвышался огромный серый слон с корзиной на спине. Он величественно шел размеренными шагами и раскачивал толстым хоботом.

— Стойте! Да обезобразит вас Геракл! — Воины скрестили копыя.

Караван остановился. Из кожаной палатки вышел начальник поста; он стал обходить и опрашивать прибывших. Рядом с ним шел переводчик в круглой белой войлочной шапке.

Несколько всадников в красных плащах и ярко блистающих шлемах держались надменно и отвечали сухо и отрывисто.

— Посольство из Афин¹. Нас четверо, пятый слуга. Пропуск есть для свободного проезда по Персии, подписан стратегом Парменионом в Экбатане².

— Подождете!

Группа путников, пестро одетых, сидела на ослax.

Они кричали все разом:

— Мы знаем, что славные непобедимые воины нуждаются во всем: в лекарствах от ран, приборах для бритья, ароматных мазях. Мы и продаем, и обмениваем одни вещи на другие.

— Подождите здесь! Надо осмотреть вьюки.

— Ох, опять подождать! — застонали купцы. — Как остановка, так наши вьюки становятся более тощими!

Пожилой путник в полосатом плаще подъехал на высоком сером муле, покрытом зеленой сеткой с жел-

¹ Афиняне были настроены враждебно к македонянам и неоднократно участвовали в открытых выступлениях против Александра.

² *Парменион* — один из старейших военачальников Александра; находился с резервными войсками в Экбатане, важном узловом пункте, охраняя тыловые пути и связь Александра с родиной.

той бахромой. Покрой его одежды и золотистый тюрбан были необычны.

— Посол из вольного города Карт-хадашт¹ на берегу Ливии². Со мной пять слуг и десять мулов с подарками для славного царя Македонии.

— Что ты бормочешь? Базилевс теперь уже не только царь Македонии, но повелитель всей Азии.

— Я буду счастлив приветствовать царя царей и поэтому совершил такой длинный путь.

— Подождешь! А это еще кто?

Перед воинами завертелся, кривляясь, старик в пестрой одежде, сшитой из ярких лоскутков. На голове возвышался остроконечный войлочный колпак, расшитый звездами. На его плече сидела, обняв за шею, обезьяна и скалила зубы.

Приплясывая, старик скороговоркой объяснял:

— Показываю чудеса: вызываю духов добрых, прогоняю злых, везу знаменитую танцовщицу Тира и Сидона, прекрасную Анашторет. Она едет, чтобы показать свое искусство перед великим завоевателем Азии и его непобедимыми воинами...

Знаменитая танцовщица оказалась грациозной, худенькой девушкой, завернутой в пестрое покрывало. Она сидела на разукрашенном лентами ослике. Из складок покрывала весело блестели ее черные глаза.

— Пусть она нам споет и спляшет! Посмотрим, что за танцовщица! — заговорили воины.

Анашторет, улыбаясь, сбросила покрывало и, ударив в бубен, запела по-эллински:

На канате я танцую.
Над людьми и над шатрами,
И веселый смех целую
Ярко-алыми губами.

¹ *Карт-хадашт* — богатый финикийский город Карфаген на северном берегу Африки.

² В древности Африка называлась Ливией.

На руках, как змеи, гибких
Я танцую между лезвий.
И лучи моей улыбки
Отражаются в железе¹.

Держа бубен зубами, девушка ухватилась за коврик на спине ослика и встала на тонких, гибких руках, загнув ноги над головой, как хвост скорпиона. Затем осторожно продвинула ноги дальше, изогнувшись кольцом, и опустила их на спину равнодушно стоящего ослика. Она выпрямилась и легко спрыгнула на землю.

— Прекрасно! — послышались одобрения воинов.

— Вам здесь делать нечего! — сердито сказал начальник поста. — Поворачивайте обратно.

— Брат! — воскликнула девушка. — Разве вы не хотите услышать песни вашей родины? Я знаю македонские и эллинские песни.

— Грабос, пропусти их! — вмешался Аристоник. — Сам базилевс любит слушать песни и смотреть на опасные пляски танцовщиц среди отточенных мечей.

Начальник отвернулся, махнув рукой.

Аристоник шепнул:

— Ничего не бойтесь! Поезжайте в город!

— Долгая жизнь тебе! — улыбнулась девушка, легко вскочив на ослика.

Путники двинулись по дороге, а из ущелья слышались новые крики:

— Берегись! Берегись! Дайте дорогу гонцу!

Три серых одногорбых верблюда, переваливаясь с боку на бок, иноходью бежали по ущелью. На двух передних сидели персы в цветных одеждах, закутав лица в башлыки, на третьем — пожилой македонец в пурпурном плаще и кожаном шлеме.

¹ Стихи А. Шапиро.

Персы хлестали животных толстыми плетьюми. Верблюды бежали, вытянув длинные шеи. За ними, направив вперед копыта, скакали греческие всадники, закутанные в бурые плащи.

— Именем базилевса, стойте!

Македонец с верблюда заревел:

— Как вы смеете, невежи, задерживать царскую почту! Постойте! Да не ты ли это, Грабос? Какими судьбами ты здесь? Неужели ты, старый ветеран, служивший еще у нашего славного царя Филиппа, до сих пор только начальник сотни, а не царь одного из народов великого персидского царства? У нас в Пелле¹ уверены, что каждый македонец, даже самый последний конюх, ушедший с нашим лихим драчуном Александром завоевывать Азию, уже сделался если не царем провинции, то по крайней мере ее казначеем.

Начальник поста подошел к верблуду и протянул гонцу обе руки:

— Откуда едешь, Никомандр?

— Прямо из Пеллы. — Гонец наклонился с горба верблуды и понизил голос: — Везу собственноручное письмо царицы-матери Олимпиады к ее царственному сыну, да живет он невредимо много лет! Хочу взглянуть на моего ученика. Я его помню еще упрямым и дерзким юношей. Жив ли его конь Буцефал?²

— Буцефал ожирел, ослабел ногами. Базилевс уже на нем не ездит, а все-таки по старой памяти водит с собой вместе с молодыми конями.

— Мой воспитанник Александр очень преуспел за эти годы, не правда ли? Вся наша Македония, пожалуй, едва ли больше одной этой долины. Сегодня же спрошу его обо всем и побраню за то, что он

¹ Пелла — столица Македонии.

² Описанный Плутархом конь Буцефал сопровождал в походах Александра и погиб в Индии, где в его честь был основан город Буцефалия.

тебя держит на такой маленькой должности. Видел я по дороге много беспорядков. Хочу ему дать полезные советы, как лучше управлять варварами. Он ведь еще молод и должен прислушаться к нам, более опытным в жизни. А где сейчас базилевс?

— Смотри туда! — Грабос показал рукой на север.

С перевала открывался широкий вид на цветущую долину. Три реки серебрились среди зеленых лугов, образуя острова, заросшие деревьями и кустами. Бесчисленные квадраты зеленых полей говорили о богатстве и плодородии края. Вдали, сквозь дрожащую дымку утреннего тумана, вырисовывался город, походивший на груды поставленных друг на друга глиняных кубиков. Долину окружали кольцом синие хребты гор с покрытыми снегом вершинами.

— Вот это главный город Ортоспана, или, как его называют местные жители, Забул. Уже несколько времени здесь стоит без движения лагерь базилевса. И никто из нас не знает, пойдет ли он дальше или повернет обратно. Сам он в городе не живет. Видишь в стороне ровные ряды палаток? Там расположилась конница Филоты — конечно, ты помнишь его, молочного брата базилевса? А далее зеленеют густые сады — вот там-то и находится ставка базилевса... — Он продолжал шепотом: — Александр не верит городу, где узкие грязные улицы перепутались лабиринтом... Жители могут поодиночке передуть всех наших воинов, если бы они вздумали заночевать в их домах. Ведь одних горожан Забула столько, что и не сосчитать!

— Что ты болтаешь! Разве жители не рады, что имеют такого умного и прекрасного царя?

— Эй, не место тут объяснять... Скоро ты сам все увидишь и поймешь. Так смотри же, Никомандр, не забудь своего обещания и скажи базилевсу, чтобы он

назначил меня на дело получше, чем сторожить дорогу на этом холодном перевале.

— Хайретэ!¹ — воскликнул македонец и дал знак провожавшим его персам.

Громко щелкнули широкие плети, и верблюды с жалобным стоном вперевалку побежали вниз по каменистой дороге. За ними, наклонив вперед тонкие копыта, со звоном понеслись вскачь блистающие медью конвойные всадники.

Караван зашевелился и медленно двинулся по ущелью. Два воина, отвязав коней, вскочили на пестрые чепраки².

Между всадниками зашагал лохматый бродяга атраван, угрюмо поглядывая по сторонам и кутаясь в бурый рваный плащ.

Аристоник сел у костра, настраивая кифару и напевая:

После битвы при Арбелах
Александр Великий сразу
Взял у Дария все царство...

ПРИЕМ У БАЗИЛЕВСА

В узкой, тесной зале загородного дворца местного сатрапа собрались желающие представиться пред светлые очи грозного базилевса. Впереди стояли послы эллинов и далекого Карфагена. За ними теснились потерявшие службу бывшие персидские сановники и начальники некоторых воинских частей армии Александра.

¹ *Хайретэ* — греческое приветствие, буквально означает: «Радуйтесь».

² Седел и стремян в то время всадники не знали. Верховой конь покрывался подстилкой — *чепраком*, кожаным или из шкуры, перетянутым широким ремнем.

Никомандр нетерпеливо оправлял складки белого гиматия¹, обращаясь вполголоса к соседу, афинскому послу:

— Сейчас я его увижу. Посмотрю, переменялся ли этот веселый, стремительный, славный юноша. Окреп ли он или персидская роскошь его изнежила? Умеет ли он, как раньше, владеть мечом? А сколько хороших приемов боя я ему показал! Один отличный прием он долго старался выучить: обманный удар по голове, затем по плечу, опять по голове, перенос удара под правую руку и, когда противник открылся, — сразу выпад всем телом в горло — рукояткой вверх, острием вниз, чтобы меч вонзился в отверстие между шлемом и панцирем... Этот прием называется «молния пятого удара». Александр долго упражнялся, пока добился отчетливости этого удара... А вот, кажется, идут...

— Узнаешь ли ты его?

— Я-то его не узнаю! Шутник ты!

Пестрая, расшитая шелками занавеска, закрывавшая дверь, распахнулась под рукой толстого евнуха, который упал на колени и застыл в раболепной позе.

Все замолкли и выпрямились. Воин в начищенном до блеска панцире и шлеме, закрывающем все лицо, со сверкающими сквозь прорези шлема глазами вошел тяжелой поступью и стал около двери. Копье с широким отточенным лезвием опустилось к ноге и замерло. Стремительной походкой вошли четверо. Все они были приблизительно одного возраста, в расцвете сил и молодости, и до странности походили друг на друга. Белые гиматии с несмятыми выглаженными складками были, по афинскому обычаю, обернуты вокруг тела, и концы их перекинута через левое плечо. Лица тщательно выбриты, волосы, слегка за-

¹ *Гиматий* — шерстяной плащ (накидка).

витые, волнистыми кудрями спускались по сторонам лица, не достигая плеч. У всех четверых были мускулистые шеи и необычайно развитые мышцы обнаженной правой руки. Шнурованные сапоги до колен, так же как и гиматии, были афинского покроя.

Никомандр, сделав невольно движение, чтобы броситься вперед, остановился, удивленно раскрыв глаза.

Афинские послы и карфагенянин низко наклонились, протянув вперед руку. Несколько знатных персов в пурпурных одеждах, затканых лиловыми цветами, упали на пол, целуя ковер, и застыли в позе беспредельной преданности.

Все четверо вошедших несколько мгновений стояли, равнодушно оглядывая присутствующих. Один из четверых, бывший немного ниже ростом, сказал:

— Никомандр, что же ты не приветствуешь меня?

— Да ты ли это, базилевс Александр? Или у меня от радости в глазах двоится, но я перед собою вижу четырех Александров!

По лицу говорившего скользнула чуть заметная улыбка, и, обращаясь ко всем, он сказал общее приветствие:

— Хайретэ!

Никомандр стоял неподвижно, пристально всматриваясь. На знакомом мужественном лице с прямой линией лба и носа и женственным ртом, изогнутым, как лук Эрота¹, появились резкие, суровые морщины. Но не это поразило его. На него смотрели неподвижные стеклянные глаза, холодные и непроницаемые. «Этот человек может так же спокойно приласкать, как и раздавить меня», — подумал Никомандр. Глубокая пропасть легла между прежним веселым, стремительным юношей, которого во время уроков он бил по пле-

¹ *Эрот* — бог любви, изображавшийся греками в виде мальчика с маленьким изогнутым луком и стрелами.

чам концом тупого меча, и этим самоуверенным, равнодушным человеком, прошедшим полмира, оставляя за собой бесчисленные развалины и реки слез и горя.

Никомандр смущенно бросился навстречу Александру. Тот позволил поцеловать себя в щеку и сам сделал движение губами, точно целовал бывшего учителя.

Старый толстый евнух в пестрой одежде поставил на лиловом ковре белый складной стул. Александр сел, расставив ноги в шнурованных красных сапогах; голые колени были сильно загорелыми.

Не обращая внимания на остальных, Александр обратился к Никомандру:

— Находишь ли ты, что твой ученик хорошо дрался? Слышал ли ты, сидя в своем домике под каштанами, о походах непобедимого Александра?

Никомандр смущенно засмеялся, рука по привычке дернулась, чтобы потрепать ученика по плечу, но он ее удержал.

— Как же не слышал! Теперь в Пелле только и говорят о том, как сражается наш молодой базилевс: не хуже быстрого славного Ахиллеса.

Один из присутствующих воскликнул:

— Не только как Ахиллес — базилевс далеко превзошел своего предка! Базилевса можно сравнить только с непобедимым божественным Гераклом.

Другой голос перебил:

— Что такое подвиги Геракла! Он много ходил по свету, но особой пользы отечеству не принес. А наш базилевс присоединил целые государства варваров и заставил их почитать эллинских богов.

Александр вскочил и порывисто прошелся по комнате:

— Верно! Я хочу проникнуть еще дальше, чем ходил Геракл! Я проведу свои войска до конца вселенной, где неведомые пустыни заселены необычайны-

ми дикарями, где море омывает последний берег земли и где никто уже не осмелится встать на моем пути.

— Ты победишь, ты всюду пройдешь! — воскликнули голоса.

— А что говорят в Афинах? Был ли ты в этом болтливом, тщеславном городе?

— По пути наш корабль заходил в Пирей¹, — сказал Никомандр, — и я посетил Афины. В этот день там распространился слух, что будто бы ты умер в далекой Персии. Все ораторы закудахтали, как встревоженные куры, и народ побежал на агору². Там болтуны стали произносить хвастливые речи, требуя немедленно объявить войну Македонии. Только один Фокион³ успокоил шумевшую толпу, сказав: «Зачем торопиться с объявлением войны? Подождем. Если Александр мертв, то он будет мертв и завтра и в следующие дни. Сперва нужно проверить такой слух, а затем уже объявлять войну».

— Александр жив и будет жить всегда! — раздались голоса.

— О, я еще покажу мою волю этому коварному и болтливому городу! Хотя нас разделяют от Эллады пятьсот парасангов⁴, придет время, я заставлю тщеславных афинян почувствовать весь ужас моего гнева.

Никомандр достал из складок гиматия кожаную трубку с висевшими на шнурках печатями и почти-точно поднял ее перед собой:

— Письмо от царицы эпирской Олимпиады!

Александр схватил свиток. Мрачная тень пробежала по его красивому лицу. Изогнутые брови сдвинулись.

¹ *Пирей* — гавань Афин.

² *Агора* — площадь в Афинах, где происходили народные собрания.

³ *Фокион* — афинский оратор.

⁴ *Парасанг* — мера длины, немного больше пяти километров.

— Слава и благополучие царице Эпира! — сказал он задумчиво. — Ты мне расскажешь сегодня попозже все, что происходит дома. Гефестион, сохрани это письмо.

Товарищ детства Александра Гефестион, несколько выше его ростом, с красивым спокойным лицом, взял кожаную трубку двумя руками, как драгоценность, прикоснулся к ней губами и отступил назад. Отвернувшись от Никомандра, базилевс быстро подошел к карфагенскому послу и, глядя в упор, сказал:

— Ты приехал по своей воле или тебя отправило твое государство?

Карфагенянин развел руками:

— Если я буду иметь успех в моих переговорах, то, значит, я послан от моих граждан. Если же нет — то я приехал сам от себя.

Базилевс усмехнулся, на мгновение задумался, прищурил левый глаз и спросил:

— Как лучше мне с войском достигнуть Карфагена: на кораблях или сушей, по берегу Ливии?

Черные глаза финикиянина на мгновение метнулись вверх, скользнули по Александру. Затем он ответил, почтительно склоняясь:

— Это зависит от того, на каком пути, морском или сухопутном, боги захотят сохранить тебя невредимым.

Базилевс рассмеялся и обратился к своим товарищам:

— Финикияне всегда были лукавы и в словах и в делах. Но с ним будет весело поговорить за обедом. Гефестион, позаботься, чтобы сын Анат¹ возлежал сегодня вечером рядом со мной.

Базилевс резко отвернулся и равнодушно подошел к афинянам; лицо его было холодно и непроницаемо.

¹ Финикияне называли себя «бени Анат» — «сыны Анат». *Финикиянин* — слово греческое, означает: человек с востока.

— Жив ли еще мой мудрый учитель Аристотель? Ваши сумасбродные правители его еще не казнили?

Бледный афинянин, стоявший в небрежной и независимой позе впереди двух товарищей, ответил:

— Афины всегда были школой и центром просвещения всей Эллады. Разве мы можем поступить грубо и непочтительно с самым высоким учителем мудрости? Он, как и раньше, преподает нашей молодежи знания в тенистых садах Ликея!¹

— Однако, после того как дельфийский оракул провозгласил мудрейшим из мудрейших философа Сократа, совет вашего города присудил его к смерти. Зависть афинян не знает пределов. — Голос Александра сделался хриплым, и левое плечо стало подергиваться. — Весь мир уже признал меня сыном бога, но афиняне очень ревниво оберегают от меня вход на небеса. Занятые такой заботой, не рискуют ли они потерять собственную землю?..

Базилевс резко отвернулся и отошел от афинян к распростертым на земле персидским сановникам:

— Встаньте, мои друзья! Теперь вы мои подданные и одинаково мне дороги, как и другие знатнейшие граждане всех народов моего великого царства. На что вы пришли жаловаться, о чем просить?

Персы говорили одновременно и на коленях подползали к Александру, стараясь поцеловать край его белого гиматия.

Переводчик, наклонившись, шептал базилевсу:

— Это бывшие придворные персидского царя Дария. Они клянутся в своей преданности и верности и просят тебя, чтобы за ними остались их поместья и должности при дворе.

¹ Аристотель преподавал философию и другие науки, прогуливаясь с учениками по аллеям сада Ликея при храме Аполлона Ликейского близ Афин. Отсюда название учебного заведения — *лицей*.

— Пригласи их сегодня на обед. Скажи, что их новый повелитель Александр не менее милостив к своим верным слугам, чем был их добрый царь Дарий.

Александр снова подошел к Никомандру:

— Ну что, старик, смог бы ты еще испробовать со мной «молнию пятого удара»? Чей меч теперь сильнее?..

Никомандр обрадовался и торопливо засмеялся:

— Давай испробуем ловкость наших мечей!

— Испробуем, когда ты отдохнешь. Разве дорога тебя не утомила?

— Я так торопился доставить тебе письмо царицы, что не чувствовал усталости. Но должен признаться, что уж очень мне надоело без конца видеть обгорелые дома, бродящих между развалинами голодных стариков и старух. А вонь-то какая! Как ветер подует навстречу, так и знаешь, что потянутся кресты с прибитыми к ним гниющими трупами, возле которых бродят собаки с раздутыми от обжорства животами. Зато как я обрадовался, когда после жаркой равнины поднялся на перевал и почувствовал родной холодный ветер! Точно я снова попал в милую Македонию! И здесь, среди диких скал, я вдруг услышал дивную греческую песню. В ней, в глуши Азии, уже воспевались подвиги Александра Непобедимого.

— Где это было?

— Недалеко, на последнем горном перевале. Гляжу: сидят у костра наши воины, и среди них мой старый приятель Грабос. Помнишь ли ты его? Он был верным воином еще твоего отца, царя Филиппа. А неведомый певец из его отряда пел так красиво, что я подумал: не сам ли Пан¹ с лирою сидит на горе и воспекает твои подвиги?

¹ *Пан* — в греческой мифологии — божество, олицетворяющее природу.

— Филота! — прервал базилевс. — Кто начальник поста на ближайшем перевале?

Из группы военачальников вышел высокий, стройный македонец в легком панцире всадников.

Выгнувшись, он сказал:

— Грабос, македонянин, начальник поста на перевале Священных лоскутов. С ним шестнадцать фессалийских всадников.

— Вызови его сегодня же, и пусть он с собой привезет того воина, который хорошо поет. Мы послушаем его за ужином.

Александр направился к двери, остановился, подняв руку, и, воскликнув: «Хайретэ!», скрылся за занавеской.

«НЕ ВЕРЬ НИКОМУ!»

Базилевс вошел в маленькую комнату, где он любил оставаться один. Стальные мечи всех форм и размеров со свежоотточенными лезвиями правильными рядами висели по стенам. В углу стояли несколько разной величины копий. Вдоль одной стены выстроились покрытые золотыми узорами панцири. Рядом топорщились красными волосяными гребнями шлемы с поднятым забралом. Позади них находились круглые щиты с выпуклыми изображениями сражающихся воинов.

Старый македонец с седыми, заплетенными в косы кудрями, в темном шерстяном хитоне протирал оружие желтой тряпкой, обмакивая ее в чашу с жидким маслом. Александр повел бровями, и македонец удалился.

Гефестион опустился на узкое ложе, покрытое пестрым ковром, осторожно разрезал кинжалом красный шнурок, сломал восковые печати и вынул из кожаной трубки пергаментный свиток. Базилевс стоял у стены среди длинных тяжелых мечей.

СОДЕРЖАНИЕ

ОГНИ НА КУРГАНАХ

Историческая повесть

Часть первая. Александр в долине седых гор	7
Часть вторая. Скифские степи	50
Часть третья. Счастливая Сугуда	105
Часть четвертая. Гроза с запада	163
Часть пятая. Сумерки Персии	208
Часть шестая. Двурогий наступает	245
Часть седьмая. Журавли летят на север	277
Часть восьмая. Битва скифов	302
Эпилог	354

РАССКАЗЫ

Голубая сойка Заратустры	367
Письмо из скифского стана	377
Ватан	396